

Тринадцатая категория рассудка

Всегда так бывает: сперва ходишь к друзьям, а потом – как развезут их на катафалках – к могилам. Настал и мой черед променять людей на могилы. Кладбище, куда я – все чаще и чаще, за высокими зубцами стен и извне как крепость: все бойцы полегли, и только тогда открылись ворота. Войдешь – сначала сутолока крестов, а дальше – за внутренней стеной – новое бескрестное кладбище: в нем нет монументальной статистики старых человеческих могильников, ни громоздких склепов, ни каменных ангелов, с крыльями по-пингвиньи в землю: красные металлические звезды на тонких проволочных стеблях беспокойно ворочаются в ветре.

Сейчас еще весенне тало и земля липнет к подошвам, мягко удерживая: остаться подольше, а то и навсегда. Вот уж четвертый раз я встречаю его: медленным чавком заступа в тугую и трудную землю – старик могильщик; сначала он мне виден по пояс, затем по плечи, еще немного, и голова его нырнет в развороченную глину. Но я подхожу ближе, стараясь разминуться с швырками земли из-под мерно звенящего заступа, и говорю:

– Здравствуйте.

– А что ж, здравствуйте, – оглядывает он меня из ямы. ...

Есть одно обстоятельство, которое привлекает меня к этому человеку: старик явно выжил из ума и живет внутри какой-то апперцептивной путаницы, узлы которой не развязать бы и самому Канту. Кстати, ведь все (не буду искать другого определения) выжившие или, точнее, выжитые из своих умов, выселенные, так сказать, из всех двенадцати кантовских категорий рассудка, естественно, принуждены ютиться в какой-нибудь тринадцатой категории, такой логической боковуше, лишь кой-как прислоненной к объективно обязательному мышлению. Если принять во внимание, что на эту тринадцатую категорию рассудка мы даем явки, в сущности, всем нашим вымыслам и алогизмам, то старик могильщик может быть полезен затеянному мною циклу "фантастических" новелл.

Итак, предлагаю закурить, старик тянет потную руку за папиросой; присев на корточки, я огоньком к огоньку – и тринадцатая категория рассудка распахивает для меня свою потайную дверь:.

– Что это за аллея там, под тополями?

Старик сощурил глаза на шеренгу деревьев и:

– Актерский ряд. Вот потеплеет, барышни с тетрадками придут, цветов нанесут, друг дружке из книжек зачитают: не богато, а уважительно.

– А там вот? – скольжу я глазами дальше по стене.

– Для сочинителей, "Писательский тупик" прозывается.

Дед-могильщик хочет поподробнее, но я перебиваю и перевожу глаза к стыку двух стен: могилы здесь прикрыло зубчатой длинной тенью, и кой-где меж ржаво-желтых взгорбий белые кляксы нестаявшего снега.

– Ораторский угол, – поясняет голос из ямы, – тут ночью лучше издаля.

– А что?

– Непокойно. Ораторы, известно: чуть стемнело, заговорят все сразу, – случится, идешь мимо ихнего угла, а из земли так и шепотит. Лучше издаля.

– Видно, правду про вас говорят, дед, что из ума выжили: где ж это видано, чтоб закопанный человек – и вдруг шепотил?

– Я и не говорю, что видано, – упирается старик, – а что слыхано, так это так. Вот недавно случай был. Хоронили зампреда какого-то – вот тут, в ораторском угле, левая с краю. Папироски не найдется еще? Красный гроб, венков не счесть, и народу видимо-невидимо. Оратор, говорят, был знатный. Ну вот. Спустили гроб, веревки наверх, ну, как водится, речи. Говорили-отговорили, потом и нам, мне с Митькой (сподручник мой), за лопаты. Плюнул я на ладони – и вдруг, что вы скажете: снизу из-под крышки: "Прошу слова. Выслушав, мол, предыдущих..." Но тут – и боже мой! – и предыдущие, и всякие, кто ни был, все наутек. Даже Митька-дурак, лопату бросив, туда же. Разгляделся я, а вокруг только штук несколько калошек из снегу торчит да портфель чей-то, забывшись, на крестовине качается. А тот – из земли ему да сквозь крышу, понимаете, не видать, – так и частит, так и: "Граждане и товарищи, не закапывайте меня в тот свет – всё одно и трубы суда заслышав, крышкой надвинусь и не отзовусь, – как отзовист, я, и..." – а что, есть такое слово, или почудилось мне, старику? Не учен я...

– Есть. Ну, дальше.

– Дальше? Как бы не так. Захотел было он дальше, но я, как обидно мне стало, Митьки не дожидаясь, за заступ, и единым духом и суесловца, и речи его землей закидал. Ведь, скажите, какой беспокойный народ пошел. Слыхано